

Ольга Хмельницкая

ШОПИНГ ДЕТЕКТИВ

ИДЕАЛ
НА
ВИТРИНЕ

ЭКСМО

Ольга Андреевна Хмельницкая

Идеал на витрине

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183286
Идеал на витрине: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-36955-3*

Аннотация

Лучший способ удовлетворить страсть к шопингу – открыть собственный магазин одежды! Именно так поступила бизнес-леди Марина. Персонал она набрала, руководствуясь личной симпатией и желанием помочь людям решить их проблемы. Коллектив собрался пестрый, поэтому, когда в магазине начали пропадать комплекты дорогого белья, подозрение в первую очередь пало на своих. Марина поручила товароведу Полине Ульяновне составить список всех недостатков, но в тот же вечер ее убили, а вся информация пропала! Похоже, дело намного серьезнее, чем украденные трусики и бюстгалтеры...

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Хмельницкая

Идеал на витрине

* * *

Марина поливала кактус. В последние две недели она развела на подоконнике небольшой зимний сад. Кактусы там преобладали.

– Молодец, – сказал ее муж, – ты становишься образцовой домохозяйкой. Эти роллы твои вчера... с курицей и пекинской капустой были просто объедение. И еще вот домашние кактусы. Прекрасно.

Марина задела локтем горшочек. Маленький колючий питомец, чья покрытая иголками голова торчала из горшка, сделал глубокий поклон, а потом ринулся вниз, стремясь, видимо, покончить жизнь самоубийством.

– Стой, ты куда? – спросила Марина и поймала кактус рукой.

Колючки неблагодарной скотинки впились ей в ладонь.

– Ах ты гад! – сказала Марина, стряхивая мелкого вредителя. – Тяжела жизнь домохозяйки.

Дима приподнял левую бровь.

– Может, тебе заняться вышивкой крестиком? – спросил он, скользнув взглядом по ее округлившейся фигуре. – Или научиться носки вязать. А то кактусы у тебя уже с подоконника бросаются. В пропасть. Даже записки предсмертной не оставив.

Марина села в кресло и поджала ноги.

– И вообще, – сказал Дима, глядя на нее сверху вниз, что бывало редко, ибо он был на голову ниже жены, – беременным полагается побольше гулять, смотреть на прекрасное, спать и хорошо питаться.

– Я хочу сказать тебе правду, – произнесла Марина. – Я ненавижу кактусы. Они назло мне отращивают длинные колючки, они назло мне не цветут. Точно знаю.

– Хочешь приключений? – поднял бровь Дима. – Потянуло на адреналин?

Ее взгляд стал жестким, плечи расправились. У Марины была большая грудь, которая во время беременности стала еще крупнее. Красивая блондинка с медовыми волосами и светлыми глазами, она смотрела на мужа из кресла, и он понимал, что готов сделать для нее все, что угодно.

Все, что угодно, только не глупость.

– Перейди на выращивание орхидей, – сказал он. – Орхидеи суть сорняки, сорняки выращивать легко. К тому же они без колючек.

– Нет.

– Тогда выращивай ананасы из верхушек. Отрезаешь от ананаса верхушку, несколько дней подсушиваешь ее в темном месте, потом тыкаешь в землю и поливаешь. Месяца через четыре она должна прорасти и заколоситься.

– Откуда ты все это знаешь? – ревниво спросила Марина.

– Одна из моих бывших любовниц занималась комнатным цветоводством, – сказал Дима. – Давай, ревнуй, мне нравится, как ты это делаешь.

Она встала из кресла и сразу оказалась выше его на голову.

– Иди сюда, – сказал Дима, обнимая ее.

Он распахнул ее халат и впился в сосок.

– Я люблю тебя, Марина, – сказал он.

По ее телу пробежала сладкая дрожь. Дима зарычал, целуя ее. Он занимался с ней сексом каждый день, и каждый день это было так же остро и сладко, как в первый раз. Дима рывком посадил супругу на подоконник. Уцелевшие кактусы в горшочках прыснули в разные стороны.

– Ежики, разойдись, – выдохнул Дима, целуя Марину.

Халат, который соскользнул с плеч женщины, накрыл поле колючих шариков, мохнатиков, экзотических зеленых катышков и торчащих вверх ростков, похожих на заросшие жесткой шерстью пальцы.

Дима пил кофе. По телу разливалась сладкая истома. Супруга, снова надевшая халатик и скромно запахнувшая его на большой груди, смотрела на него с легкой полуулыбкой. Дима глубоко вздохнул и закрыл глаза. Прошло всего полчаса, а он снова хотел ее.

– Ладно, – сдался он, – что ты любишь делать? Ну, кроме занятий со мной сексом и готовки мне роллов с курицей и пекинской капустой?

– Я люблю шопинг, – сказала Марина.

Ее глаза заблестели.

– На мою карточку, – произнес Дима. – Съезди, развейся. Купи себе все, что ты хочешь. Одежду, косметику, бриллианты, новую машину, дом, яхту, путешествие на двоих на далекие острова. Новые кактусы, так уж и быть, можешь не покупать.

Марина взяла в руки кусок белого пластика.

– О'кей, – сказала она, и ее лицо озарилось хитрой улыбкой. – Спасибо.

– Я рад, – проговорил он, – что ты не начинаешь свою вечную песню о том, что ты девушка состоятельная, что у тебя свое агентство недвижимости и что ты сама себе все можешь купить.

– Нет, милый, – произнесла Марина, скромно потупив очи, – я не начинаю эту вечную песню. Я забыла ее слова.

Марина не любила спать в шелковой пижаме на шелковых простынях. Она постоянно с них соскальзывала. А Дима, напротив, любил шелк.

– Ну, что купила? – сонно спросил он, устраиваясь рядом с ней. – Я видел, у меня счет облегчился на пару миллионов.

– Я купила помещение под магазин, – сказала Марина. – Женская одежда, аксессуары, белье, обувь.

– А я думал, островок приобрела, – миролюбиво произнес Дима, прижимая ее к себе и проваливаясь в сон.

Марина закрыла глаза. Сперва заплясали хорошенькие мушки, потом наступила чернота. Из темноты медленно проявлялась маленькая комнатка. Она была заперта изнутри. Марина огляделась. Унитаз, рулон бумаги, труп.

«Прелестно, – подумала во сне Марина, – мне снится труп в наглухо запертом туалете! Вот к чему приводит постоянное цитирование классической фразы про „мочить в сортире“.»

Она присмотрелась. На полу лежал пистолет. «Макаров» – тяжелое, чисто мужское оружие. Пистолет был завернут в белую бумажную салфетку. Марина снова посмотрела на труп.

«Самоубийство?»

Что-то мешало ей в это поверить. Она подергала дверь. Заперто, причем на задвижку изнутри. Значит, все-таки самоубийство? Марина присела на пол, стараясь не задеть труп, лежащий между унитазом и стенкой, головой прямо в зеленом пластиковом ведре с откидной крышкой. Марина постучала по стене. Замкнутый параллелепипед с хорошей звукоизо-

ляцией, стальными крючками в стене и серой плиткой на полу. Медленно-медленно Марина подняла голову вверх. На потолке, как паук, висел человек.

– А-а-а-а-а! – закричала она, хватая с пола «макарова».

Человек оторвался от потолка и прыгнул на нее, развернувшись в воздухе и раскинув руки, как белка-летяга. С трудом передернув затвор, Марина нажала курок. Посыпались стекла, свет померк.

– Помогите!

Марина рывком села в постели. Правая ладонь ныла и, казалось, хранила ощущение холодного прикосновения оружия.

– Что такое? – спросил Дима, поднимаясь. – Тебе плохо? Тошнит?

– Нет, – сказала Марина. – Снился кошмар. Все хорошо.

Она крепко обняла его и снова заснула. Больше ей ничего не снилось.

«Все любят Вюиттона. Это как-то неоригинально, – подумала Марина, заходя в бутик этой марки. – Но каждый раз, когда я покупаю обувь и сумки Луи Вюиттон, я чувствую душевный подъем. В конце концов, могу себе позволить».

Она взяла в руки босоножку. В душе родился теплый отклик. Босоножка грела душу. Изящная, с тонким каблукком, простенькая, но при этом изумительной формы, такая босоножка делает красивой любую ногу. Вспомнив, что беременным не рекомендуется ходить на высоких каблуках, Марина поставила босоножку на место и взяла стоящую рядом туфельку из серии «прощай молодость». Но Вюиттон был столь талантлив и столь дальновиден, что туфелька на плоской подошве с кожаной кисточкой была практически совершенством.

– Я померяю, – сказала Марина стоящей рядом девушке-консультанту.

Ноги удобно легли на ложе из телячьей кожи. Как будто кто-то обнял их мягкой теплой перчаткой и принялся ласкать. Марина тут же поняла, что больше не хочет снимать эти туфли. Она слегка оттолкнула свои Prada и сосредоточилась на ощущениях.

– Да, я их возьму, – сказала Марина. – И еще вон ту вот сумочку.

Сумочка, на которую Марина положила глаз, была маленькой, коричневой, с монограммами LV. Внутри она была отделана тонкой, белой и приятной на ощупь замшей в мелкую дырочку. На длинном кожаном язычке был выдавлен индивидуальный номер.

– И еще полусапожки.

Тканевые, на невысоком каблуке-рюмочке, перевитые лаковыми ленточками, цвета молока с кофе, покрытые монограммами...

– И еще браслет.

Из искусственно состаренной латуни. И еще джинсовая сумочка. Ремень. Портмоне. Лайковые перчатки. В душе Марины пели соловьи.

Марина сидела за столом и постукивала по его лаковой поверхности золотым «Паркером». Женщине, сидевшей напротив, было около сорока. Худенькая. С усталым лицом и заколотыми наверх темными волосами. Без косметики. Типичная мать семейства. На подборке у нее было небольшое родимое пятно.

– Айгуль Ринатовна? – спросила Марина.

Женщина кивнула. Ее глаза смотрели испуганно. Она была заранее готова к тому, что ее не возьмут. Что ее оборвут на полуслове, потому что она – не ровня сидящей напротив блондинке с огромным бриллиантом на пальце и в туфлях от Луи Вюиттон.

– У вас в резюме написано, что вы работали кассиром последние три с половиной года. Айгуль кивнула.

– А до этого был большой перерыв. Декретный отпуск?

– Да, я рожала детей. У меня двое, – сказала она. – Сын и дочь.

Марина выдерживала паузу.

– Я живу только для них, – сказала Айгуль, удивляясь, зачем это говорит.

«Она же холодная и расчетливая сука, – думала Айгуль, глядя на сияющий маникюр на пальцах Марины. У нее все есть, ее дети небось катаются как сыр в масле, утром их возит в школу личный водитель, на завтрак они едят салат из креветок и рукколы в оливковом масле, а на каникулы летают на далекие острова. Работала ли она в жизни хоть день? Знает ли, что такое жить в съемной квартире? Бояться завтрашнего дня?»

– Мой муж работает на стройке, – продолжила Айгуль, хотя Марина ее ни о чем не спрашивала, а просто внимательно смотрела ей в лицо. Казалось, она препарирует нутро соискательницы, деликатно снимая капустные листья один за другим, чтобы добраться до кочерыжки.

– Я мечтаю дать детям хорошее образование, – добавила Айгуль.

Марина продолжала молча смотреть.

– У меня есть недостатки, конечно. Я очень люблю сладкое, – сказала Айгуль, пребывая в состоянии, близком к панике. Молчание женщины напротив ее смущало и сбивало с толку. Айгуль почувствовала, что боится ее.

– Завтра сможете выйти на работу? – спросила Марина.

И ее лицо, лишенное до этого всякого выражения, ожило, осветившись улыбкой.

– Нет, в магазинах одежды не работала. Продукты питания, винный бутик, предметы интерьера, – сказала дама лет сорока, сидящая перед Мариной. – В частности, в винном бутике я проработала директором семь лет, в магазине предметов интерьера – четыре. Ушла из-за того, что магазины закрывались. Я старалась, я вкладывала в них все силы, магазины были успешными и финансово устойчивыми, но их хозяева принимали решение продать их и вложить деньги во что-то другое.

Марина постучала «Паркером» по столу.

– А вы не замужем? И детей у вас нет? – спросила она соискательницу.

– Я еще не встретила правильного человека, – выдала Инна Сергеевна заранее заготовленную фразу. – К тому же я все силы всегда отдавала карьере.

Повисла неловкая пауза.

– На самом деле я не знаю, но почему-то меня все бросают, – сказала Инна Сергеевна. – Я дважды собиралась выйти замуж, но оба раза все сорвалось. Тем не менее я не теряю надежды. Вы меня понимаете?

– Прекрасно понимаю, – сказала Марина и скользнула взглядом по дате рождения, указанной в резюме – Инне Сергеевне и правда было сорок. Потом она вновь перевела взгляд на соискательницу. Гладкая кожа, загорелая и слегка сероватая – Инна Сергеевна явно посещала солярий. Аккуратный макияж, скромный серый костюм. Прямые волосы до плеч.

«Перфекционистка, – подумала Марина, – требовательная к себе и другим. Ей нужен принц, а где его взять. Был один, и тот уже женат на мне. Вот что бывает, когда женщины занимаются исключительно карьерой, оставляя личную жизнь на потом. А потом-то может никогда и не наступить».

Марина скользнула взглядом по очкам в тонкой черной оправе, стильной, неброской и дорогой. У Инны Сергеевны были сдержанная мимика и прозрачный лак на ногтях.

«Такое впечатление, что она – американка, – подумала Марина, – профессионализм, корректность, хорошие рекомендации, суха, подтянута, ищет правильного человека. Синдром отличницы».

– У вас были в детстве хобби? – спросила Марина.

– Я выращивала кактусы, – ответила Инна Сергеевна.

– Я вас беру, – сказала Марина.

От него плохо пахло. Постояв в дверях, мужчина подошел к стулу и неуверенно сел, поджав ноги, чтобы не было видно грязную разношенную обувь. Запах усилился. Перегар, пот, давно не стиранный одежда. Марина смотрела на него, как смотрят на неведомую зверошку-мутанта, внезапно вынырнувшую из сточной канавы.

– Вам нужен грузчик? – спросил он.

Плюс ко всему прочему, во рту у него не хватало зубов.

– Я, собственно, по объявлению, – добавил он, шмыгнув носом.

Марина молчала. На правой руке у него были наколки. На секунду подняв глаза и проследив ее взгляд, мужчина сжал кулак и снова уткнулся глазами в пол.

Марина подвинула к себе листок с написанным от руки резюме.

– Десять классов плюс электромеханический техникум и служба в армии? – спросила Марина.

Мужчина кивнул и быстро взглянул на женщину. В глазах мелькнула надежда.

– Да, мне нужен грузчик, но мне нужен грузчик без вредных привычек, аккуратный и презентабельный, – сказала она. – Это же магазин женской одежды. Кружева там, шелк, атлас, шляпные коробки, тонкие ароматы.

Он встал и пошел к двери, волоча ноги и пытаясь держать голову высоко поднятой. Толкнул ручку двери и нос к носу столкнулся с Димой. Дима был на голову ниже, но казался вдвое крупнее. Втянув воздух, Дима выразительно закашлялся. Претендент на должность грузчика скукожился и попытался прошмыгнуть мимо.

– Веревку уже купил? – громко произнес бомжу в спину Маринин муж. – А мыло и табуретку?

Потенциальный грузчик замер, потом обернулся, изменившись в лице.

– Можешь ничего не говорить, – продолжил Дима, – я вижу, что ты решил в случае неудачи пойти и прыгнуть с десятого этажа. Из дома выгнали? Живешь в подворотне? Ешь то, что найдешь в мусорных баках?

– Да, – сказал грузчик.

Теперь его лицо было похоже на мордочку бешеной крысы.

– Раз в жизни удача стучится в дверь ко всем, – сказал Дима. – Иди, помойся, побрейся и завтра выходи на работу.

Потом он подошел к жене, поцеловал ее и провел рукой по животу.

– На небесах это тебе зачтется, – сказала Марина мужу в ухо. – Ты будешь ангелом.

– Я на самом деле очень злой, мерзкий такой тип, ну, ты знаешь, – произнес он, – но иногда не могу через себя переступить и совершаю хорошие поступки.

– Здравствуйте, – сказала девушка. – Меня зовут Таня.

В ее языке блеснула пирса с камешком. Проколоты также были бровь и крыло носа. В ухе висело с десяток сережек. Тем не менее свободная и раскованная поза девушки, сидящей на высоком и неудобном стуле, сказала Марине о многом.

– Здравствуйте, – улыбнулась Марина.

Девушка была очень юной и испуганно-нахальной.

– Я хочу у вас работать, – произнесла она. – Я буду хорошим консультантом.

– А ты хоть когда-нибудь работала? – поинтересовалась Марина. – Или мама и папа ни в чем не отказывали?

На лице Тани появилось упрямое выражение.

– Ладно, не спрашиваю, – сказала Марина. – Также я не спрашиваю, почему ты бросила институт, будучи на третьем курсе. Теперь тебе не быть дипломатом. Пирсинг весь свежий?

– Так было нужно, – сказала Таня.

– Хочешь, я расскажу тебе, как было дело? – сказала Марина. – У тебя было в жизни все хорошо. Ты училась, жила с родителями и ни в чем не нуждалась. Тебя водили в музыкальную школу, на бальные танцы, к репетиторам по иностранным языкам. Ты же по-английски говоришь?

– Говорю, – ответила Таня, ничуть не удивившись пронительности Марины. – И по-французски еще.

– Ты влюбилась?

– Да, в водителя маршрутки. Сейчас живу с ним. Родители сказали – или он, или они. Я решила, что он.

Марина слегка наклонилась вперед.

– Выходи на работу с завтрашнего дня, – сказала она, – плюс хорошенько подумай, нужен ли тебе водитель маршрутки. Или стоит подождать принца. Принцессы не выходят замуж за свинопасов.

– Я люблю его, – сказала Таня. – Мне не нужен принц.

Пирса в языке опять с вызовом сверкнула.

– Люся, – представилась она. – Вам нужна уборщица?

Марина редко удивлялась, но на этот раз ей это удалось. Люся была высокой и атлетически сложенной. Серые глаза смотрели спокойно и уверенно. Узкие джинсы и спортивная курточка прекрасно сидели на тренированном упругом теле.

– Уборщица с высшим образованием? Нет, не нужна, – сказала Марина. – Пойдите и поищите себе что-нибудь получше.

– Из меня получится замечательная уборщица, – заявила Люся.

– О, я не сомневаюсь, – махнула рукой Марина. – А из микроскопа получится отличный молоток.

– Несомненно. Причем вам-то свойства молотка не важны. Главное, чтобы гвозди были забиты.

– Нерационально, – не согласилась с ней Марина. – Я все время буду думать, что я вам недоплачиваю.

– Абстрагируйтесь.

– Мне нравится с вами разговаривать, – сказала Марина, – но я вас в уборщицы не возьму. И не просите. А должность директора магазина уже занята.

– Я не претендую на должность директора магазина. Я всего лишь хочу быть уборщицей.

– Мечтаете?

– Можно и так сказать.

– Иногда люди меня удивляют.

Марина с удовольствием смотрела в открытое лицо с большими серыми глазами.

– Выходите завтра на работу, – произнесла она. – Я исполню вашу мечту. Будете уборщицей. Но если скажете спасибо, расстреляю на месте. Меня потом, если что, отмажут.

– Будем считать, что вы мне сделали гадость, – ответила Люся, вставая.

– Так и есть, – отозвалась Марина.

Глаза девушки, сидящей напротив Марины, были круглыми и похожими на пятирублевые монеты.

– Учитесь на вечернем, так? – спросила ее Марина.

– Так, – сказала девушка и заулыбалась, будто ее спросили о чем-то очень приятном. Глаза при этом распахнулись еще шире, практически достигнув размеров двух кружочков колбасы.

– У вас есть хобби? – спросила Марина.

– Кулинария и чтение, – ответила Лариса. – На прошлой неделе я приготовила борщ с рыбой. Вы когда-нибудь готовили борщ с рыбой? Получилось нечто...

– Я представляю, – сказала Марина. – Только непонятно, почему вы называете это борщом? Может, это все-таки уха?

– Оно было со свеклой.

– Уха со свеклой. Прелестно. А читаете вы что?

– О, мне нравятся романы о любви, – сказала соискательница, и ее ресницы затрепетали. – Последней книгой, которую я прочитала, был роман Александра Грина «Джесси и Моргиана». Все читали «Алые паруса» про Ассоль. Но у Грина есть и другие хорошие книги. В частности, та книга, о которой я говорю, – это роман о двух сестрах, одна из которых красива и добра, а вторая – безобразна и, вследствие этого, жестока. К тому же родители все состояние оставили младшей. Прямо-таки роман про Тома и Джерри. Джерри такой хорошенький, такой большеглазый, все любят Джерри, а Тома никто не любит, никто ему не сочувствует. Представляете?

Прекрасные глаза Ларисы выпучились на слове «представляете», как два мыльных пузыря.

– И чем закончился роман?

– Печально. Старшая сестра отравила младшую и повесилась. Кажется.

– Какой интересный роман, – сказала Марина.

– Представляете, – произнесла Лариса, наклоня голову, – старшая отравила младшую ядом, который действует в течение месяца и не оставляет следов. И, знаете, я ее понимаю. Младшая в глубине души была не менее жестокой, чем старшая. Смотрела на сестру и думала: «О, какое счастье, что я не такая».

– Думаю, авторский замысел был не совсем таким, – сказала Марина, – подозреваю, что смысл был в том, что красавица – добра, а чудовище – воплощение зла. Это идет вразрез с русскими традициями. Вспомните «Аленький цветочек». На лицо ужасные, добрые внутри. Главное – содержание, а не внешность.

– «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», – процитировала Лариса Антона Павловича Чехова.

Марина улыбнулась.

– Хорошо, я возьму вас на работу, – сказала она, – только не читайте книги в рабочее время.

Потенциальный товаровед внешне походила на добрую бабушку. Морщинки, круглое лицо, ласковый взгляд.

– Я работаю товароведом уже двадцать лет, – сказала Полина Ульяновна. – У меня, правда, нет профильного образования, только курсы товароведов, но большой опыт и преданность профессии позволили мне в совершенстве овладеть этой профессией.

Ноздри Полины Ульяновны затрепетали. Марина пробежалась глазами по резюме. Так и есть. Партийный работник с большим стажем, переквалифицировавшаяся в товароведа после развала СССР.

– Меня характеризуют высокая ответственность, энергичность и работоспособность, – произнесла Полина Ульяновна. – И мой преклонный возраст не является...

– Что вы, что вы, – ответила Марина, – я восхищаюсь вашей интеллектуальной формой.

– Спасибо, – расцвела Полина Ульяновна.

– Вы живете с детьми?

– К сожалению, одна. Мой сын, сейчас он уже взрослый, эмигрировал с семьей в Америку.

Лицо Полины Ульяновны на секунду приобрело жесткое выражение. Сухонькие ручки сжали край скатерти.

– Почему вы ушли с предыдущей работы? – сменила Марина тему.

– Надо мной смеялись из-за политических пристрастий, – ответила Полина Ульяновна. – Пытались заставить снять портрет Геннадия Андреевича Зюганова, который висел у меня над столом. Коллег раздражал «Интернационал», который играл у меня в мобильном телефоне, а когда мне запретили вести партийную агитацию и распространять листовки, то... вы, надеюсь, не за демократов так называемых, милочка, нет?

Полина Ульяновна наклонила голову и с подозрением посмотрела на Марину.

На физиономии сидящего перед Мариной парня не было заметно ни одной мысли. Шея была такой же ширины, как и голова, и переходила в фундаментальные плечи. Взгляд был прямым и честным. Бритый череп подчеркивал толщину надбровных дуг.

– Вы уже работали охранником?

– Нет, – прогудел молодой человек.

– А кем работали... э-э-э, Артем?

– Сержантом.

– Ага, – кивнула Марина, – сержантом, значит.

– Я был пограничником, – снова прогудел потенциальный охранник.

Марина наконец нашла в толстой стопке резюме Артема... так и есть, средняя школа, два курса института, служба в рядах Российской армии, потом служба по контракту. Имеет награды. Интересно, за что его наградили?

– Очень хорошо, – сказала Марина. – Я думаю, что вы справитесь с этой работой. Я выдам вам форму, и вы будете прохаживаться по магазину, отпугивая потенциальных нарушителей.

– Это я могу, – повеселел Артем.

Когда Артем ушел, Марина вспомнила, что хотела спросить его, почему он уволился из армии.

Марина вошла в специализированный магазин люстр и светильников и оглянулась по сторонам. В этом магазине светилось все – потолки, которые переливались тысячей огней, полки, на которых выстроилась армия настольных ламп, стены, увешанные бра. Прямо над головой Марины расположилась гроздь прозрачных шариков, внутри которых виднелась скрученная в бухты гламурная проволока. Следующая люстра напоминала о букете – прикрепленные к стальным ветвям стеклянные розы торчали в разные стороны.

Что-то это все не то, подумала Марина.

Люстра из богемского стекла показалась ей излишне помпезной. Люстра, сделанная в стиле минимализма, с плафонами, похожими на выкрашенные серой краской пластиковые стаканчики, тоже ей не приглянулась. Нет, совсем не такими должны быть светильники в ее новом магазине, совсем не такими. Люстра с хрустальными висюльками показалась Марине старомодной, так же, как и люстра с имитацией свечей, которая дисгармонировала с идеей моды для современной девушки.

Какая она, современная девушка? Красивая? Не обязательно. Стройная? Тоже не обязательно. Смелая? Нет, встречаются тихони. Яркая? Нет, по современным представлениям о моде лучше быть «недоодетой», чем одетой слишком вычурно. Уверенная в себе? Обязательно, но как выразить это люстрой?

Марина перестала размышлять и начала просто смотреть, надеясь, что увидит наконец то, что нужно: нежную сердцевину в обрамлении жестких лат, которые позволяют проникнуть в сладкое нутро только самым близким и нужным людям.

– Вот, – наконец решила она.

Люстра была черно-белой. Молочное стекло внутри, длинные подвески, похожие на серьги, были окружены черными пластинками с профилем греческой богини. Марина представила, как прекрасно будут смотреться черно-белые люстры на фоне розовых потолков, и восхитилась.

– А еще плафончик для туалета, – напомнила она себе.

Плафон она купила обычный, круглый и ничем не примечательный.

Марине снова снился туалет. Только теперь в нем было темно. Марина не сразу сообразила, где она. На полу по-прежнему лежал труп. Под ногами хрустели осколки разбитого плафона. Марина потеряла глаза, пытаясь приспособиться к тьме. То, что было трупом, зашевелилось.

– А-а-а-а! – завизжала Марина, отскакивая к двери.

Несколько секунд она пыталась открыть замок, но ничего не получалось.

– Тьфу ты, – проворчал труп, приподнимаясь. – А почему в загробном мире так темно?

Труп поднял руки и расположил ладони напротив друг друга. Вспыхнула дуга, как у сварочного аппарата. Осколки на полу засияли, отражая свет. Лица трупа по-прежнему не было видно, так же, как и не было следов человека-паука, упавшего с потолка в предыдущем сне.

– Может, врача позвать? – спросила Марина.

– Поздно, – ответил труп, освещая синим искрящимся светом стены туалета, унитаза, ершик и крепление для бумаги на стене, – но возмездие грядет.

Дуга вдруг собралась в молнию, которая с силой шарахнула в дверь рядом с Мариной. Молния попала в замок, дверь наконец распахнулась.

– Помогите! – закричала Марина, садясь в кровати.

– Что такое? – спросил Дима, приподнимаясь на локте.

– Опять сон про туалет, там был живой труп и темно, – сказала Марина. – Очень страшно. Он еще молниями швырялся. Не в меня, правда. Но рядом попал.

– Труп? Швырялся? Ух, живчик! – сказал Дима, снова укладываясь.

Больше в ту ночь Марине ничего не снилось.

– Завтра открываемся, – сказала Марина Диме.

Они шли по новому магазину, праздничному, блестящему, полному красочной одежды, платьев, курток, брюк, шорт, белья, топов, джемперов... Рябило в глазах, из маленьких динамиков, встроенных в потолок, лилась музыка, и хотелось танцевать.

– Камеры видеонаблюдения поставили? – сухо спросил Дима.

– Обязательно, – ответила Марина.

– А туалет оборудовали?

– Да. И плафон установили, – кивнула Марина. – Правда, я еще не видела, что там и как.

– Пойдем, проверим, – сказал Дима. – Главное – не внешнее, а внутреннее – подсобки, кабинеты персонала, склад. Внутреннее должно быть еще более красивым, чем внешнее. Только так можно построить по-настоящему комфортную и стабильную жизнь. Например, нельзя сгружать в шкаф грязную и мятую одежду с оторванными пуговицами. Никто не увидит, да. Никто, кроме тебя самой... а ты ведь для себя самая главная.

– А кто вчера носки бросил под кровать грязные, а? – спросила Марина.

Дима распахнул дверь в туалет, и Марина застыла на пороге. Унитаз, рулон бумаги. Замок в двери. Зеленое пластиковое ведро с откидной крышкой. Марина постучала по стене. Замкнутый параллелепипед с хорошей звукоизоляцией, стальными крючками в стене и серой плиткой на полу. Холодея, Марина подняла голову вверх. На потолке висел купленный вчера белый круглый плафон.

– У меня дежавю, – сказала Марина. – Я уже дважды видела этот туалет во сне. Только тогда там поначалу были труп и убийца, висящий на потолке, а потом труп ожил и начал метать молнии.

Дима мелко затрясся от смеха.

– А орудие убийства было? Вантуз там или ершик?

– «Макаров». Зря смеешься! Я теперь в этот туалет буду бояться заходить.

– А кто был трупом, ты помнишь?

– Нет, – вздохнула Марина, – иногда труп – это просто труп. Без опознавательных признаков. У трупа в моем сне не было ни пола, ни возраста, ни имени, ни лица.

Дверь туалета она закрыла с некоторой дрожью.

Лариса шла по переходу в метро, стараясь держаться у стены. Впереди спокойно шагала ее молодой человек, но Лариса вовсе не старалась его догнать. Напротив, она делала все, чтобы слиться со стенкой и затеряться среди прохожих. Ларису съедала ревность. Чтобы заглушить ревность, она жевала булку.

«Куда он идет? – думала Лариса, яростно работая челюстями. – К кому?»

Был вечер. В переходе было множество людей, все куда-то спешили, зыбкие тени на отделанных кафелем стенках тоже торопились. Молодой человек Ларисы шел быстро и спокойно, как человек, которому нечего бояться. Он не оглядывался, его плечи были развернуты. Лариса яростно впиалась зубами в сдобу.

Он свернул налево. Лариса замешкалась, лавируя между двумя женщинами с большими сумками. Когда она наконец обогнала их, путь ей преградили люди, выходящие из метро. Лариса бросилась перпендикулярно потоку, силясь разглядеть сквозь толпу знакомую куртку. Видимо, на ее лице и в больших круглых глазах было столько эмоций, что люди расступались. Когда она наконец выбралась из толпы, ее молодого человека уже нигде не было видно. Лариса выбежала на улицу, но разглядеть что-либо в сгущающихся сумерках не представлялось возможным. И пошел ли он встречаться с другом, как сказал, или с подругой, как подозревала Лариса, выяснить было никак нельзя. Тогда она села на лавочку и доела наконец свою булку.

Миша жил в основании памятника Ленину. Бронзовый Владимир Ильич стоял на постаменте, облицованном гранитными плитами, а плиты, в свою очередь, крепились к стальному кубу. Возможно, тумбу сделали бы из сплошного камня, но под памятником проходила теплотрасса, и лишать ремонтников доступа к части труб создатели монумента не решились. В результате основание было полым, да еще и снабженным дверцей, к которой Миша быстро подобрал отмычку.

Внутри было темно, поэтому Миша зажигал свечи. Дрожащий огонек не только давал свет, но и согревал руки. На стене Миша повесил портреты Маргарет Тэтчер, Беназир Бхутто и Индиры Ганди. Когда он смотрел на их лица в неверном свете свечи, к нему возвращалась твердость духа.

– Мне плохо, но я не сдамся, – повторял он, – плохо, не сдамся, плохо, но не сдамся. Дух важнее тела, важнее ванны, важнее теплой постели, важнее денег, важнее...

Сегодня ему повезло. Невысокий мужчина с цепкими глазами взял его на работу.

– Мама, расскажи сказку, – попросила маленькая дочка Айгуль. – Про принцессу, про принца и про то, как они поженились и жили долго и счастливо.

– Жили-были две китайские девушки, Чу и Чо, – сказала Айгуль. – У них были черные волосы и узкие глазки. Чу очень хотела стать настоящей принцессой-златовлаской, блондинкой с голубыми глазами. Она пошла к врачу, и он сделал ее узкие глаза круглыми. Потом она

сделала химическую завивку, перекрасила волосы в оттенок «золотисто-пепельный блондин» и купила голубые контактные линзы. Чо же осталась классической китайяжкой. И вот идет Чу, вся такая красавица, и видит прекрасного принца. А принц говорит: «Привет, милая, есть у вас тут в стране классические китайские принцессы? С узкими глазами и черными волосами?» И подумала Чу: «Блин!» Тут на сцене появилась радостная Чо, вся такая натуральная. Принц забрал ее с собой, у Чо случился хеппи-энд.

– А как же Чо? – спросила девочка. – Ей так и не достался принц? Она же так старалась!

– Не достался, – ответила мама. – К сожалению. Но, может, ей как-то по-другому повезло в жизни. Например, она стала известной актрисой или...

– Тогда еще одну сказку расскажи, – оборвала ее дочь.

– Ладно. Жили-были принцессы Оксана и Марина. У Оксаны были высокие каблуки, длинный маникюр, суперприческа, бусы, платья и красивые заколки. Она медленно семенила на своих высоких каблуках по дворцу туда и обратно. А Марина бегала в кроссовках, играла в футбол и плавала в пруду. И вот приехал прекрасный принц. «Ах! – сказал он, увидев Оксану. – Ох, эх, супер». В общем, решил жениться на Оксане. Утром принц вышел в коридор, потому что хотел чем-то заняться, и увидел, что Марина играет в футбол сама с собой об стенку. Он тоже начал играть в футбол. Оксана в это время делала маникюр. Потом пошел с Мариной к пруду. Оксана в это время сидела у парикмахера. Потом играл с Мариной в морской бой. Оксана была у визажиста. В общем, вечером, когда очень красивая Оксана, сияя, вышла к ужину, оказалось, что уже все, принц сплыл.

– И как же Оксана? Ей тоже не достался принц, как и Чо? Так же, как мне не досталось Барби на день рождения?

– Потерпи немного, – сказала Айгуль, – скоро все будет.

– У всех в нашем садике есть Барби.

– Будет, – сказала Айгуль.

– На Новый год? – спросила девочка.

– Д-да, – кивнула Айгуль. – Дед Мороз тебе обязательно ее подарит.

– А мне компьютер? – спросил сын. – И вообще, я хотел сказку про космический корабль.

– Давай купим это пальто, – сказала Таня.

Ее молодой человек скользнул взглядом по белой ткани.

– Киса, не сейчас, – ответил он. – К тому же зачем тебе белое? У тебя вон была белая майка, так теперь ты ею посуду моешь. Пальто, кстати, мыть посуду неудобно. Я даже не знаю, что мы будем с ним делать, если ты посадишь на него с десяток пятен.

– Я хочу, – сказала Таня. – Пальто.

– Не сейчас.

– А когда?

– Когда у меня будет больше денег и когда ты научишься пользоваться пятновыводителем.

Он повернулся и пошел к выходу из магазина. Таня бросилась за ним, схватила за руку и развернула.

– Я ради тебя бросила родителей, институт, друзей, я живу с тобой в съемной квартире, я готовлю, я убираю, а ты не хочешь купить мне пальто? Я же знаю, что у тебя есть деньги! – Когда Таня говорила, пирса в ее языке поблескивала.

– Кто это готовит? – удивился он. – Это я готовлю! Я убираю! Вот вчера я картошку жарил, а потом мыл сковородку твоей бывшей белой майкой с «Фейри».

Пойди, заработай себе и купи все, что хочешь. Хоть белые тапочки и белый «Феррари»! Да, у меня есть деньги, но они нам нужны. Мне даже скучно все это тебе говорить. И смысла

нет. Ты все равно ничего не понимаешь. Купи то, купи это, какие-то безделушки, какой-то плащ желто-зеленый, дурацкие горшочки для цветов в синюю крапинку. Зачем тебе все это, у нас же комнатных растений нет, одни горшочки стоят! А я еле-еле плачу за квартиру. И когда я вижу твою юбочку джинсовую, которая уже месяц лежит в мешке для стирки с пятном от кетчупа, то...

– Пожалуйста, не ругайся матом, – сказала Таня, закусив губу и пустила слезу. – Ты меня не любишь, – произнесла она, всхлипнув.

– Иди к родителям, – проговорил он. – Катись назад, к папе и маме, бестолочь! Пусть они хотя бы научат тебя жарить яичницу.

– Я люблю тебя, – тут же воскликнула Таня, – я тебя никогда не оставлю! Хорошо, не надо мне никакого пальто.

– Доктор, есть динамика? – спросила Люся.

Врач покачал головой и положил снимки на стол.

– Пока нет.

Она закрыла глаза и снова их открыла.

– Я могу записать вас к психологу, – сказал врач.

– Меня? Зачем?

– Ну, вы в сложной ситуации, вам приходится ухаживать за...

Люся подняла голову.

– Операция поможет?

– Да, это единственный шанс. Но, насколько я понимаю, у вас нет возможности ее оплатить.

– Вы правы.

– Тогда вам надо надеяться на чудо.

Врач встал, посмотрел на Люсю сверху вниз и слегка наклонился над ней, положив руку на спинку ее стула. Стекла его очков нервно поблескивали.

– Я понимаю, что вам нелегко, – сказал он, и в его голосе зазвучали бархатные нотки. – Тем более могу себе представить, что чувствует молодая и красивая девушка, прикованная к... а я, возможно, мог бы организовать вам небольшую скидку на операцию.

Люся торопливо встала, стараясь не коснуться врача.

– Спасибо. До свидания, – сказала она и вышла из кабинета.

Инна Сергеевна сидела напротив гадалки. Неопрятная, лохматая цыганка с сальным лицом раскладывала на пластиковом столе потрепанные карты.

– Скоро ты встретишь принца, – сказала цыганка. – Завтра. Правда, рядом с ним какая-то червонная дама.

– Червонная дама – это мелочи, – махнула рукой Инна. – Ты еще что-то сказать можешь?

Цыганка продолжала раскладывать карты.

– Какие-то там проблемы будут, ой, большие, – сказала она уверенно, – если позолотишь руку, скажу.

Инна достала из кошелька купюру.

– Сглаз? Порча? – спросила Инна.

– Нет, будет труп, – ответила цыганка.

– А кто умрет? Не я, нет? – спросила Инна.

– Трудно сказать, – сказала цыганка, – но если позолотишь руку, я посмотрю.

Инна достала еще одну купюру.

– Умрет вроде женщина, – проговорила цыганка, – но если ты мне еще позолотишь ручку, я продам тебе амулетик. Полезная вещь, в супермаркетах таких не продают. А еще, – подмигнула она, и ее сальное лицо заблестело, – у тебя будут проблемы с крупной блондинкой. Это очень, очень опасная блондинка, бойся ее.

– Меня больше интересует труп, – сказала Инна. – И принц. И не станет ли принц трупом. Было бы неудобно.

Цыганка вновь раскинула потрепанные карты.

Он пришел домой, махнул рукой и тут же пошел в ванную. Лариса стояла у плиты и переворачивала блинчики. Она нервничала, и блины мялись, прилипали к сковородке, рвались и пригорали.

В ванной зашумела вода. Выждав минуту, Лариса бросилась к его сумке и куртке. Вот и мобильник. Список исходящих вызовов... пуст. СМС – принятые и отправленные. Пусто. Набранные номера. Пусто. Лариса сунула телефон назад в карман его куртки и начала обнюхивать вещи, втягивая носом воздух. Нюх-нюх-нюх.

Ей показалось, что среди запаха табака и пыли ей удалось уловить что-то цветочное.

Ню-ю-ю-ю-юх!

Нет, показалось.

Лариса обнюхала шарф, потом ее взгляд упал на ботинки. Она быстренько опустилась на колени, сунула нос в ботинок и втянула носом воздух.

Ню-ю-юх... фу-у-у!

Дыхание у Ларисы перехватило, она закашлялась, а глаза стали такими удивленными, какие бывают у Деда Мороза, если сказать ему, что его не существует. Сзади скрипнула дверь. Вырвался пар.

– Дорогая! – воскликнул за спиной Ларисы ее молодой человек. – Прости, что сразу не признался!

Лариса встала и посмотрела на него напряженным взглядом.

– Да, я вступил... ну, в общем... ты уже сама заметила, да? Кругом собаки, везде. Я пытался отчистить о траву, но не получилось. Сильно воняет?

– Ага, – кивнула Лариса, – сильно.

Теперь из кухни воняло еще и подгорелым блинчиком.

Инна Сергеевна стояла на пороге вверенного ей магазина. До открытия оставалось двадцать минут. Был декабрь, руки и щеки Инны покалывал морозец, капроновые колготки цвета загара плотно обнимали стройные ноги, высокие каблуки упирались в крыльцо, строгий деловой костюм подчеркивал ее худощавую фигуру. Перед магазином притормозил «Мерседес», а следом – машина с охраной.

– Доброе утро, – сказала Марина, подойдя к Инне Сергеевне.

Инна Сергеевна в который раз удивилась, как Марине удается совмещать вежливость и дружелюбие с поразительной уверенностью в себе. Сколько она ни тренировалась, сколько ни пыталась выработать у себя такой же стиль – вежливость и тепло в сочетании с силой, у нее ничего не получалось. Если Инна Сергеевна пыталась вести себя вежливо, она скатывалась в заискивание. Если пыталась вести себя властно, то получалось холодно. Марина вела себя как хозяйка. Но она ею и являлась. Взлеты, поражения, банкротства, деньги, безденежье, ответственность за людей, которые на нее работали, сделали из Марины то, чем она была.

– Доброе утро, – ответила Инна Сергеевна.

Марина, которая гордо несла свой округлившийся живот, никак не отреагировала на холод в голосе Инны Сергеевны. Из машины вышел ее муж. Невысокий, с лысой головой и

большим носом, он был ниже супруги на полголовы. Когда взгляд Инны Сергеевны сфокусировался на Диме, она непроизвольно втянула живот и выставила вперед бюст. В магазине уже выстроились Артем в форме, которая трещала на его широких плечах, Полина Ульяновна, на груди которой красовался значок компартии, Таня, увешанная пирсами, и Лариса, хлопающая круглыми глазами и спешно доедающая булку. Айгуль была одета в скромное серое платье. Миша помылся и побрился в душе на вокзале. Все было готово к открытию.

Две недели спустя Марина сидела, уткнувшись в бумаги.

– Недостача, – сказала Марина, – уже несколько комплектов белья. Белое, черное, зеленое, леопардовое и лилово-песочно-персиковое.

Дима задумался.

– Черное, наверное, ничего, – сказал он. – А вот леопардового не надо.

– Ты не о том думаешь, – сказала Марина. – Кто-то спер из-под носа девочек и Артема пять комплектов белья. За две недели. Каждый комплект под двести долларов. А лилово-песочно-персиковое так и вообще почти триста.

– Это неизбежно, – сказал Дима. – Относись к этому философски. Давай лучше поужинаем и спать. Что-то я устал сегодня. У меня были важные переговоры, сто миллионов каждый контракт. Лилово-песочно-персиковое... Может, персиков купить на ужин?

Он зевнул. Марина продолжала нажимать кнопки на калькуляторе.

– Дорогая, – сказал Дима, забирая у нее калькулятор и выключая свет, – в любом магазине стоимость наворованного за месяц составляет порядка пяти процентов от прибыли. Это неизбежно. А сейчас ложись спать.

– Здравствуйте, Дмитрий Николаевич, – произнес женский голос в трубке, – я директор магазина вашей супруги Инна Сергеевна. Я понимаю, что все оперативные вопросы о магазине решает Марина Владимировна, но хотела бы поговорить с вами, как с главным инвестором.

Ее голос звучал сухо и профессионально.

– О чем вы хотите поговорить? – спросил Дима.

– Я не хочу нагружать Марину Владимировну в ее положении, – сказала Инна Сергеевна, – более того, я не хотела бы сообщать Марине Владимировне какую-либо негативную информацию. Я понимаю, что этот магазин – игрушка для любимой жены. А игрушка должна приносить исключительно положительные эмоции.

– В чем проблема? – спросил Дима.

– Низкий поток покупателей. Нужна рекламная кампания, а это большие затраты сил, времени и, возможно, нервов. В то время как Марине нужно больше отдыхать... она жаловалась сегодня на самочувствие, но вам, конечно, она ничего не скажет.

– Приезжайте ко мне в офис, – предложил Дима, – я познакомлю вас со своим рекламным отделом и выделю бюджет.

Молодой человек Ларисы шел впереди. Лариса лавировала среди потока прохожих, грызя орешки из пакета. Почти сорок минут она ждала в тени дерева, когда он выйдет с работы, и вот сейчас шла за ним по улице к метро. Он закурил, потом выбросил бычок.

«Опять к какому-то мифическому другу идет, – думала Лариса. – Я не верю ни разу в это. Но у меня нет доказательств. А вдруг я ошибаюсь».

На секунду молодого человека Ларисы скрыли широкие спины мужчин в оранжевых жилетах. Лариса подпрыгнула, пошире распахнула круглые глаза, чтобы увидеть его, и припустила вперед. Через секунду что-то обвилось вокруг ее талии.

– Ой, – сказала Лариса.

Правая нога повисла в пустоте.

– Ай, – добавила Лариса, когда в пустоте повисла и ее левая нога.

Со свистом и криком девушка ухнула в свежевырытую яму, шмякнулась на дно и затихла. После секундной паузы вокруг раздались крики на разных языках, мат и еще одно часто повторяющееся слово, которое имело прямое отношение к ее, Ларисы, умственным способностям. Над краями ямы появился десяток лиц – встревоженных, испуганных и раздосадованных.

– Лара, – спросил знакомый голос. – Что ты там делаешь?

Он прыгнул в яму, вытолкнул девушку на тротуар и отряхнул.

– Бабушка, ну хватит про коммунизм, – сказала внучка Полины Ульяновны. – Ну какой коммунизм, никакого коммунизма не бывает. Потому что если все будет бесплатным, все станут хватать сверх меры, кто сколько ухватит. Ты разве не знаешь про случаи, как люди набивали кладовки и комнаты упаковками с крупой, которую им не съесть сто лет. А потом там жучки заводились, и все приходилось выбрасывать. А кладовки, доверху забитые туалетной бумагой, которую продавали по талонам? А соль? Человек будет тащить и тащить все в дом, пряча барахло по углам, как хомяк орешки за щеки.

– Все дело в воспитании, – не согласилась Полина Ульяновна, – вот Геннадий Андреевич Зюганов считает...

– Тезис «от каждого по способностям» – не лучше. Это значит, что люди будут работать просто так, из энтузиазма. Потому что им это интересно. А на самом-то деле все сразу лягут перед телевизором и будут семечки бесплатные грызть. Будет страна диванных трутней.

– Не все, – сказала Полина Ульяновна, – вот я не лягу. И не буду грызть. А ты будешь?

– Не знаю, – сказала внучка, подумав, – насчет себя я не уверена.

– Спасибо, Дмитрий Николаевич, – произнесла Инна Сергеевна, усаживаясь на предложенный ей стул, – я не займу у вас много времени.

Жакет у нее был застегнут на все пуговицы, юбка – чуть ниже колена, и вообще она напоминала человека в футляре. Футляре, который, как знала Инна Сергеевна, порой будоражит воображение сильнее, чем бикини.

Дима поднял глаза, оторвавшись от толстого отчета.

– Пойдемте, – сказал он, вставая, – я вас познакомлю с кем нужно, а вы уже обсудите там все детали. Вы хотите провести кампанию в печатных СМИ?

– В женских журналах, чтобы как можно точнее попасть в целевую аудиторию, – произнесла Инна Сергеевна и поднялась на ноги. – А также можно на бигбордах рекламу разместить.

К сорока годам она также знала, как много можно сказать одним движением, не произнося слов, и встала быстро и легко, не неловко, не неуклюже, а в полной мере демонстрируя хорошую физическую форму. Потом она пошла за Димой, держась чуть ближе, чем это было положено по этикету. Все эти невербальные мелочи имели значение.

Памятник Ленину по ночам гудел от ветра. Этот гул напоминал свист ветра в парусах. Миша лежал, свернувшись на старой рогожке, и старался заснуть. Заснуть у него не получалось, череда тяжелых мыслей роилась в его голове, не давая отключиться. Как он попал в такую ситуацию? Хватит ли у него сил все преодолеть? Для рывка нужны силы, нужна энергия, мячик должен прыгать, чтобы перескочить в другое место или хотя бы перекатиться. Судьба сдувшихся мячиков печальна.

Миша напоминал себе именно сдувшийся мячик. У него болел зуб. В тюрьме он потерял почти все зубы. Воспоминание о борьбе за свое честное имя, которую он проиграл, отзывалось болью не только в зубе, но и в голове.

Боли Миша не боялся. В тюрьме на соседних нарах жил старик, который рассказал Мише, что надо делать, если что-то болит.

– Представь, что больное место окутывает голубое сияние, – говорил старик. – Ты должен его увидеть, этот свет. Например, возьмем зуб, который болит. Окружи его светом, представь, как он сияет изнутри, как будто он в коконе...

Миша представлял и представлял, но у него ничего не получалось. Свет не держался. Он его не видел. И только когда он вышел из тюрьмы и поселился в основании статуи, однажды ночью что-то произошло, и он увидел. Тогда нежное голубое сияние, уютное и похожее на горящий на кухне газ, окутало его нарывающий палец. Ничего не произошло. Палец продолжал болеть. Но когда Миша утром проснулся, нарыв прошел без следа.

Миша улегся поудобнее. Потом нащупал сознанием свой больной зуб. Секунду спустя оттуда вырвался голубой фонтан из света, как фейерверк. Мише почти сразу же стало легко и хорошо, и он заснул.

– Что ты делала в яме? – спросил Ларису ее молодой человек. – Как ты вообще здесь оказалась, на этой улице? Ты же поехала к подруге в Митино. Зачем было мне врать?

Лариса сидела, втянув голову в плечи.

– Я увидела тебя и пошла за тобой... ну...

– А почему ты меня не позвала?

– Я как раз хотела позвать.

– Да? А как же подруга в Митино? Ты же мне за полчаса до этого звонила и врала, что ты уже у подруги. Или из Митино летают самолеты?

Он подошел к шкафу, распахнул его, вытащил чемодан и начал бросать туда вещи.

– Я от тебя ухожу, – заявил он.

Лариса залилась слезами.

– Я ни в чем не виновата! – сказала она. – Я оказалась там потому, что следила за тобой. Думала, что ты мне изменяешь.

– С кем? С Владькой? – спросил он.

– Ну почему с Владькой, – растерялась Лариса.

– Так я же ехал к Владьке.

В этот момент у него зазвонил телефон.

– Да, Владька, – сказал он в трубку. – Нет, не приеду. Лариса в яму прыгнула. От ревности. Думает, у нас с тобой это. Я не знаю, как объяснить ей, что у нас не это, а то.

Лариса виновато опустила глаза.

– Только не про принцесс, – попросил сын Айгуль. – Расскажи про космический корабль сказку.

– Про космический корабль я не умею, – ответила Айгуль. – Могу только про крокодильчика.

– Ладно, – хором сказали дети.

Они были очень хорошенькими в своих пижамках с зайчиками.

– Крокодильчик очень хотел петь со сцены. Он нашел талантливую белочку, которая умела здорово играть на рояле. Но пел крокодильчик плохо. Как он ни старался, его почти всегда забрасывали гнилыми помидорами и тухлыми яйцами, и он печально уползал со сцены. Особенно старались обезьяны. Они специально приходили на концерты крокодильчика, чтобы метко забросить его гнильем и гуано.

– Они ничего не понимают, – сказала как-то белочка. – Ты хорошо поешь. А чтобы никто не бросал в тебя помидоры, в конце каждого куплета спускайся к зрителям и щелкай зубами. Они перестанут бросаться и оскорблять тебя.

Крокодильчик так и сделал. Спев куплет, он подполз к краю сцены и громко защелкал, наслаждаясь округлившимися глазами зрителей, которые уже было приготовились бросать в него гнилые помидоры.

– Щелк, щелк, ще-е-е-елк!

– Он щебечет, как большой соловей, – потрясенно сказали звери, сидящие в первом ряду.

– Я в шоке, – произнес музыкальный критик и зачеркнул все те ругательные слова, которые он хотел было написать в газетку.

– Неинтересно, – проговорила девочка. – Давай про принцесс.

– Неинтересно, – кивнул мальчик. – Хочу про космический корабль.

– Ладно, вот вам про корабль и про принцессу, – согласилась Айгуль. – Жил-был космический торговец. Он летал с планеты на планету и торговал разными диковинками. У него был старенький, но крепкий космический корабль. И вот однажды в космосе он увидел кораблик, который подавал сигнал бедствия. Торговец подлетел поближе и пришвартовался к кораблю. В корпусе ракеты виднелись оплавленные дыры, как будто туда кто-то стрелял. Торговец пробрался внутрь, не надеясь найти никого живого, но в рубке лежала красивая принцесса.

– С золотыми кудрями? – спросила девочка.

– Да, и с огромными синими глазами, – сказала Айгуль. – Красивая-красивая. Настоящая принцесса.

– Торговец принес принцессу к себе на корабль и выходил ее. Она горячо поблагодарила его за спасение. Он влюбился в нее. Они путешествовали вместе, девушка оказалась доброй, умной и хорошей. Принцесса помогала ему в торговле, в управлении кораблем, и торговец был совершенно счастлив. Но однажды она утром выпила чай, съела печенье и сказала:

– Я хочу тебе кое в чем признаться.

– Давай, говори, – согласился торговец. – Я ценю честность. Кроме того, мы с тобой давно вместе, и я не представляю, что ты можешь сказать мне такого, чтобы я изменил к тебе свое отношение.

Тогда принцесса встала. Кожа ее начала лопаться, появились щупальца, потом большая голова с клювом... Торговец закричал и схватился за пистолет.

– Что ты делаешь? – спросило чудовище. – Это же все равно я. Та же самая, что только что сидела за столом и ела печенье. Какая тебе разница, как я выгляжу? Ты спас мне жизнь, но я несколько раз спасала тебя в ответ. Неужели нельзя любить за душу, только за тело?

Торговец выстрелил. Он стрелял снова и снова. Выстрелы пробили обшивку, корабль стал неуправляемым. Торговец прыгнул в капсулу и сбежал на ближайшую планету. А чудовище снова стало принцессой, потому что это была настоящая принцесса, которая просто на время притворилась чудовищем.

– Она выжила? – спросила дочка.

– Конечно, – сказала Айгуль. – И теперь принцесса немного поспит и подождет кого-то другого. Того, кто не испугается, когда увидит щупальца, и не станет в нее стрелять.

В магазине никого не было. Таня ходила по залу. Лариса стояла перед зеркалом и мазала шишку на лбу какой-то гадостью.

– Я хочу вот этот топик, – сказала Таня. – Прямо не могу... аж дыханье перехватывает.

Топ Florence & Fred был белым, из белого хлопка, плотного и шелковистого на ощупь, с треугольным вырезом на груди.

– Хочу, – повторила Таня. – Сейчас еще лифчик подберу. Думаю, тут нужно что-то белое, плотное, со вставочками. Я вообще люблю белое.

– купишь с зарплаты, – сказала Лариса. – Хотя с твоим пирсингом надо покупать что-то такое... готичное. И вообще черное носить, а не белое. А то как-то нелогично.

– Ну, хоть померяю, – произнесла Таня.

Она взяла топик, несколько белых лифчиков и скрылась в примерочной. Через минуту Таня вышла. Ткань красиво обтягивала ее грудь, девушка выглядела юной и свежей, как только что распутившаяся лилия.

– Я, пожалуй, немного поношу ее, – сказала Таня.

– Лучше сними, – сказала Лариса. – А то придет хозяйка или Инна Сергеевна, и будут неприятности...

Таня покосилась на Артема. Тот сидел неподвижно, как статуя, и играл сам с собой в морской бой. Его плечи, шея и голова составляли одну линию. Несколько секунд Таня смотрела на его фигуру и профиль, а потом пошла переодеваться.

– Уходи, – сказал Люсе муж, – ну что ты сидишь со мной. Сколько ты вообще будешь сидеть? До конца жизни? Отправь меня назад в Тверскую область, к родителям, а сама устраивай свою жизнь. Мне не нужно то, что ты делаешь. От этого только хуже. Мне такие жертвы не нужны.

– Давай я тебе что-нибудь прочитаю, – предложила Люся.

– Проваливай. Не надо мне ничего читать. Я читать и сам умею.

– Не-а.

Муж лежал на кровати. Он не мог даже самостоятельно перевернуться. Когда-то, сразу после аварии, Люсе казалось, что будет очень больно видеть его в инвалидной коляске, а потом оказалось, что инвалидная коляска – это недостижимая мечта.

– Ладно, тогда я пойду на работу, а потом вернусь и тебе прочитаю.

Он ничего не ответил, только отвернулся к стене.

Марине, как всем беременным, постоянно хотелось есть и спать.

«Икры бы сейчас», – подумала она, заходя в туалет и садясь на стульчак.

Глаза у нее слипались.

– Это невозможно. Я же всю ночь спала, весь день спала, и предыдущую ночь всю спала, и опять хочу, – зевнула она, борясь с дремой и усилием воли раскрывая слипающиеся глаза.

Ее взгляд упал на пол, она окаменела. На серой плитке были потеки крови. Она посмотрела на стену. Кровь стекала вниз, оставляя алые следы, которые быстро бурели. Марина протерла глаза и помотала головой. Пятна исчезли. Все чисто. Обычный, тщательно вымытый Люсей туалет.

– Жуть какая, – сказала Марина. – Бывают нехорошие квартиры, а бывают и нехорошие туалеты.

Она побрызгала воздух хвойным освежителем и вышла, закрыв дверь. Но даже в коридоре ее преследовал запах крови.

– Ой, смотри, какой топ классный, – сказала одна покупательница – девушка, одетая в пальто с меховым воротником, делающим плечи огромными, – другой, взяв плечики с висящей на них вишневой футболочкой.

Она скрылась в примерочной. Вторая покупательница, на шею которой был повязан газовый шарфик цвета вареного лосося, принялась перебирать юбки и выбрала двухслойную светло-серую с пайетками и джинсовую стретчевую с большими карманами. Она подозревала, что карманы будут топорщиться, но надеялась в крайнем случае их зашить.

– Посмотри, как? – спросила девушка из примерочной. Сняв пальто, она стала казаться намного миниатюрнее, как будто она была капустой, от которой осталась только серединка. Вишневый топ сидел на ней как влитой.

– Класс! – отозвалась ее подруга.

Таня склонила голову набок.

– По-моему, этот фасон вас полнит, – сказала она.

– Куда ее полнить, – засмеялась покупательница с газовым шарфиком, – в ней же сорок килограммов веса.

Покупательница вынырнула из примерочной в топике и принялась вертеться перед зеркалом, поворачиваясь то тем, то другим боком. Таня подошла поближе и тоже посмотрелась в зеркало – высокая, с черными волосами и пирсами в брови и в носу.

– Я беру, – сказала девушка, снимая топ и снова надевая свое пальто.

– Ты же ничего больше не померила, – произнесла ее подруга, теребя свой лососевый шарфик, – купила, получается, первое попавшееся.

Она взяла к двум юбкам еще три – из тонкой замши цвета кофе с молоком и рваным краем, короткую юбочку из черного вельвета с кнопками впереди и светло-фиолетовую юбку-карандаш со стальным отливом.

– Я не взяла первое попавшееся, вовсе нет. Ты же не спишь со всеми мужчинами подряд, только чтобы понять, что они тебе не подходят.

Таня почему-то думала, что девушка в лососевом шарфике смутится, но этого не произошло.

– Это разные вещи, – сказала она, – можно подумать, ты носишь только одну юбку, ешь только один тип еды и ходишь одним и тем же маршрутом!

– Все равно. Я вижу заранее, какая вещь мне подойдет, а какая нет.

– Ты можешь упустить что-то неожиданно прекрасное, – сказала подруга, встряхивая ворох юбок. – Ну, например. Тебе всегда нравились голубоглазые блондины. Игнорируешь кареглазого брюнета, а потом оказывается, что именно он мог бы стать любовью всей твоей жизни. Так и здесь! Ты идешь мимо полок и видишь... вот такую вот блузку.

Она взяла в руки невесомую блузку болотного цвета с большими яркими цветами и с рюшечками по вороту и краям рукавов.

– Какая-то она цыганская.

– Возможно. Но такие блузки струятся, нежно обнимая фигуру, подчеркивая все изгибы. Они скрывают то, что надо скрыть, – например, лишние складочки на талии и полные руки. Все скрывают! Эти струящиеся ткани так хороши, они всем идут и всех делают женственными.

– Я не хочу скрывать, я хочу подчеркнуть. В частности, грудь. Пусть ткань обтягивает, трещит, облегает. Понимаешь?

– Понимаю, – сказала девушка в шарфике и повесила невесомую блузку на место.

– Я тебе говорю, туалет какой-то нехороший, – сказала Марина Диме.

Они зашли в ювелирный магазин, и Марина обвела взглядом витрины. Консультант расплылась в льстивой улыбке.

– Изумруды способствуют благоприятному течению беременности, – сказала Марина. – А еще аметист и лунный камень. Но изумруд, я думаю, будет надежнее. Не знаю, почему я так думаю.

– Бывает розовый изумруд, – подсказала консультант, – это большая редкость. Вот у нас есть кольцо...

– Вот это, – сказал Дима.

Кольцо, на которое он показывал пальцем, было сделано в виде пальмовой ветви, на конце каждого листа которой был укреплен небольшой чистый камешек. В основании ветви сияло множество мелких бриллиантов.

– А я хотела что-то с одним большим камнем, – не согласилась Марина. – Что-то совсем простое, оправка и камень. Вот как это.

И она показала на кольцо с прямоугольным изумрудом глубокого темно-зеленого цвета. Свет от ярких ламп проникал в глубь камня, дробился, отражался и дрожал.

– Напоминает о весне, – сказал Дима. – Кажется, сейчас корни пустит и зацветет.

Консультант терпеливо ждала.

– Мы возьмем оба, – произнесла Марина.

Дима кивнул и протянул продавщице банковскую карту.

– Так что твой нехороший туалет? – спросил он.

– Мне все время чудятся в нем разные ужасы, – ответила Марина. – То труп, то кровь, то человек-паук. Как будто там живут привидения.

– Туалет с привидениями – это круто, я согласен, – кивнул Дима. – Может, его надо просто почаще проветривать?

Девочка-подросток с копной золотистых волос и голубыми глазами зашла в магазин и вопросительно посмотрела на Таню.

Чистый ангелочек, подумала про себя та.

– Скажите, – проговорила девочка тоненьким голосом, – у вас есть костюм ведьмы?

– Сейчас подберем, – не растерялась Таня, – вот, например, у нас есть колготки со змеями. Подойдет? И еще у нас есть футболка с принтом «девушка на метле».

– Колготки лучше бы с жабами, – сказала девочка, – но со змеями тоже, наверное, ничего.

– Еще нужна черная юбка с неровным нижним краем, – произнесла Таня, – у нас чисто черной нет, но есть черно-красная. Так даже лучше.

– Ага, – воодушевилась девочка, – а то я уже в два магазина заходила, мне сказали, что нету, и все тут.

– А ты точно не хочешь костюм доброй феи? – спросила девочку Лариса.

– Нет, у нас школьный спектакль, я – ведьма, – заявил ангелочек.

– Смотри, – понизила голос Таня, – я сейчас научу тебя, как сделать все подешевле. Берешь кусок черной ткани и заматываешься в него, а потом из картонки клеишь ведьминский колпак. В руку надо взять метлу...

– Нет, – ответила девочка, и в ее голосе послышалось возмущение, – вот Буримской для роли королевы родители купили свадебное платье, настоящее, только розовое.

– Понятно, – согласилась Таня, – сейчас выберем тебе костюм, чтобы был не хуже костюма королевы. Колготки со змеями, черно-красная юбка с рваным краем, футболочка с ведьмочкой... Лара, найди ее, а?

– Тебе еще нужен на плечи газовый шарфик с пауками, – сказала Лариса, – и колпак на голову. Вот только колпака у нас нет.

– Колпак должен быть черным, бархатным, мягким, с пряжкой стальной, – решила Таня.

Она зажмурилась, так ей захотелось такую шляпку.

– Может, бандану? С черепами и костями?

– Нет-нет, это получается по-пиратски, – не согласилась девочка. – Нужен именно колпак. И дизайнерская метла.

– А что, такое бывает? – не поверила Таня. – Дизайнерская метла?

– Конечно, – кивнула Лариса, – продают метлы Гарри Поттера, еще и вибрирующие.

Таня задумалась, потом покраснела.

Люся мыла полы, а Миша смотрел на нее из коридора. За все то время, пока он находился в тюрьме, за все то время, пока жил бомжем в основании памятника Ленину, у него не было женщины, и ему, в сущности, было все равно. Но на Люсю с ведром и тряпкой он смотреть не мог, у него жгло нутро и перехватывало дыхание. Он не мог на нее смотреть, но смотрел, сцепив руки и кусая губы. Люся тщательно мыла пол. Более того. Казалось, она получает от этой работы удовольствие.

Миша стоял в полумраке и боялся дышать. Ему не хотелось попадаться ей на глаза. С гнилыми зубами, одеждой из секонд-хенда, с запятнанным прошлым и неясным будущим, он в любом случае не мог представлять для нее никакого интереса. К тому же все в магазине были в курсе личной ситуации Люси. Все, что оставалось Мише, – это стоять и смотреть.

Таня сидела за столом на кухне и читала любовный роман. Он вошел, на секунду впуслав струю холодного воздуха с лестничной площадки, бросил сумку в прихожей, снял куртку и повесил ее на плечики.

– Тань, – сказал он, – ну что?

Джинсовая юбка с пятном от кетчупа по-прежнему лежала в корзине для грязного белья, свернувшись унылым колобком. Стальная пуговица с укором смотрела вверх, как одинокий глаз. Мойка была полна грязной посуды, эту гору венчала тряпка, которая когда-то была белым топилом. Мусорное ведро переполнилось, источая специфический аромат.

– Таня, – спросил он, – что у нас на ужин?

– Щас, – произнесла Таня, – дочитаю только...

Ни слова не говоря, он вывернул на пол мусорное ведро, высыпал сверху содержимое корзины для белья и швырнул в стену грязную тарелку. Тарелка разлетелась на множество осколков.

– Ой, – сказала Таня, – ты что, я же тебя люблю!

Дверь за ним с треском захлопнулась.

В ванной шумела вода, а Лариса быстро перебирала чеки. Она теперь была завсегда-таем форума, где все дискуссии были посвящены выводу мужей, любовников и бойфрендов на чистую воду.

– Проверяйте чеки, – советовали опытные подруги неопитам сыскного дела, к которым относилась и Люся. – На чеках есть дата и время, и они позволяют понять, где и когда... а если он покупал тест на беременность, то... а если в чеках значатся памперсы и детское питание, тогда... с другой стороны, если там пиво и фисташки, это может значить, что...

Лариса сидела в прихожей и изучала мятые бумажки. Ее молодой человек безмятежно плескался в ванной. Третий чек показался ей подозрительным. Это была бумажка, которую напечатал автомат пополнения счета. Но вот только номер там был не Гены, а чей-то чужой. Лариса тут же позвонила.

– Але, – нараспев произнес женский голос.

Лариса отключила связь, схватилась за сердце, потом за голову и наконец, негромко завыв, произвела руками пару движений, имитирующих удушение удавом жертвы. Она хотела было пойти в ванную и все выложить, но вместо этого включила компьютер и набрала адрес форума, на котором плакались друг другу женщины – мнимые и реальные жертвы мужской полигамии.

«Уже двадцать два года живу бок о бок с изменником и кобелем, – прочитала Лариса новое сообщение, – делаю вид, что уважаю его и ценю. Нравится ли мне это? Честно говоря, мне наплевать. Никогда его не любила, ведь если бы любила, не терпела бы многочисленные измены».

«Стоп, – подумала Лариса, – а люблю ли я Гену?»

Вопрос так ее поразил, что она перестала плакать и продолжила читать.

«Мужчины порой очень глупые, они думают, что их жены дуры. Я не дура... Он рассказывает мне, как он с друзьями в кафе сидел или машину ремонтировал, в общем, по всей видимости, считает меня тупой марсианкой. А эти его бесчисленные так называемые командировки на один-два дня».

«Жуть какая!» – подумала Лариса, перепрыгивая глазами на следующий абзац.

«Я никогда не любила его. Были определенные чувства, эмоции, но любовью и не пахло... Я не актриса, не умела играть и изображать страсть в постели. Его это всегда злило, ведь он любил меня. А может, и до сих пор любит, так, по-своему. Наверное, вам интересно, почему я вышла за него замуж? Была молодая, парень он серьезный, сделал предложение. Почему бы и нет? Есть у него хорошее качество – он всегда возлагает на себя ответственность за то, что происходит в нашем доме. Я давно не воспринимаю его как любовника, и воспринимала ли вообще – вопрос. Мне с ним удобно».

Лариса сидела как оглушенная. Ее собственные проблемы заиграли совсем другими красками. Женщина, представлявшаяся жертвой неверного мужа, не вызывала у нее никакого сочувствия.

«Как ужасно, наверное, так жить, – думала она. – Вышла замуж за человека, которого никогда не любила, просто потому, что это было удобно. Наверняка она не раз и не два говорила ему, что любит, и при этом была убеждена, что так и надо – жить с человеком, который изначально – просто часть обстановки. Мебель. Функция. Коврик, тряпочка в прихожей».

Хлопнула дверь ванной.

– Зачем я живу с ним, если не доверяю? – спросила сама себя Лариса. – Что я чувствую, что имею, кроме постоянной подозрительности, которая отравляет мне жизнь?

Гена весело насвистывал какой-то мотив.

– Я могу рассказать вам сказку про доброго удава, – сказала Айгуль.

Сын и дочка переглянулись.

– Хочу про принцессу, – заявила девочка.

– Хочу про космический корабль, – произнес мальчик.

– Ладно, я расскажу вам сказку про принцессу, космический корабль и удава, – согласилась Айгуль. – Жила-была принцесса. Ее родители хотели выдать ее замуж за старого и некрасивого короля из соседнего королевства, и принцесса очень печалилась. Целыми днями она сидела на берегу моря, лила слезы и представляла, как выходит замуж за злого и дряхлого старикана, который, согласно слухам, немногим лучше Синея Бороды. И вот однажды, в день свадьбы, уже одетая в длинное белое платье, принцесса пошла на берег, чтобы немного поплакать в одиночестве. Она сидела на камне и рыдала, когда в небе что-то сверкнуло, и в воду упал...

– Космический корабль? – приподнялся на локте мальчик.

– Да, – кивнула Айгуль. – В воду упал небольшой космической корабль. Вокруг зашипела вода, поднялся пар. Ракета закачалась на волнах. Принцесса тут же подобрала свое длинное платье, сняла фату, собрала волосы в хвостик, вошла в воду и поплыла к ракете. Она увидела дверку, потянула за ручку и, когда люк открылся, залезла внутрь, вся мокрая и дрожащая. В ракете была небольшая рубка управления, где все было очень просто, так просто, что даже принцессы могли управлять этим кораблем. Красавица села в кресло пилота, потянула на себя рычаг, и ракета стартовала в небо.

– Ух ты, – сказала девочка. – А куда она полетела?

– Куда глаза глядят, – ответила Айгуль. – Неважно. Куда-то далеко.

– А где удав? – спросил мальчик.

– А ученый удав между тем спал в своем меховом спальнике. Он проснулся, выполз в рубку и очень удивился, когда увидел, что в кресле сидит принцесса в красивом платье и управляет ракетой.

«Пшшшшш», – прошипел удав.

Принцесса сначала очень испугалась, но у удава были умные глаза и добрый нрав, и вскоре красавица перестала его бояться. Вскоре принцесса начала называть удава Кузей и давать всякие мелкие поручения – типа принеси то, дай это, помоги, поддержи, хочу на планету с морем, солнышком и красивыми белыми домиками. Но однажды удав заболел. Целый день он лежал в своем мешке и страдал. У него болел живот. «Дай воды», – стenal он. Воды удав не дождался. «Посиди рядом со мной, мне плохо», – хрипел удав. Но принцесса рядом с ним посидеть не захотела. «Что-то от тебя воняет, помылся бы ты, Кузя», – сказала она. Тогда удав собрался с силами, сел в кресло пилота и вернул принцессу на берег моря на ее родной планете. И ее выдали замуж за короля соседней страны. «Удавчик, Кузенька, спаси меня, забери на планету, где море, солнышко и красивые белые домики, – плакала принцесса на брачной церемонии. – Ты же можешь». Но Кузя не прилетел. Не потому, что не смог, а потому, что не захотел.

– А что удавчик? – спросила девочка. – Выздоровел?

– Да он, в общем, и не особо болел, – ответила Айгуль.

Обычно Марина спала рядом с Димой хорошо и крепко, иногда просыпаясь от ощущения счастья. Раньше, всю свою предыдущую жизнь, она часто просыпалась от тоски, беспокойства и тревоги. Тогда она вставала и до утра погружалась в деловые бумаги, чтобы забыться, отвлечься от эмоций и протянуть до утра, а по утрам все обычно начинало выглядеть не так уж и плохо. И только рядом с Димой Марина поняла, что можно просыпаться не только от грусти, но и от счастья, когда что-то большое и светлое спит, рвет на части и не дает дышать. Тогда Марина тихонько лежала, свернувшись калачиком, и думала, что было бы очень жаль прожить жизнь и так и не узнать, что так бывает. Глаза у нее постепенно закрывались, Дима сопел рядом...

Опа! Марина рывком открыла дверь туалета в магазине.

«Это мне снится», – подумала она и попыталась открыть глаза, но у нее не получилось.

Туалет был пустым, светлым и выдраенным до блеска. Марина на всякий случай посмотрела вверх. Никого. Трупа, уткнувшегося головой в зеленое ведро, тоже не было. Пожав плечами, Марина плюхнулась на стульчак и тут услышала подозрительный плеск.

– А! – воскликнула она, вскакивая.

Из воды в унитазе высунула голову большая черная змея. Ее гладкое тело лоснилось в электрическом свете, раздвоенный язык мелькал, бусинки глаз напоминали кого-то из персонала. Марина попятилась, уперлась спиной в запертую дверь и завизжала.

– Помогите! – закричала она.

– Что? Где? – спросил Дима.

Ее всегда удивляло, как быстро и легко он переходил от сна к бодрствованию.

– Мне снилась змея в туалете. Она выползла из унитаза, – сказала Марина, вытирая слезы.

– Может, это уж был? – спросил Дима и снова упал на подушку. – У него на голове не было двух желтых пятнышек?

Еще секунду спустя он снова крепко спал.

Два парня с трудом сохраняли равновесие. На ногах у них были роликовые коньки. Держались они за тележку. Один из юношей листал Playboy. Второй заглядывал ему через

плечо. Марина, проходя мимо, взяла с полки ELLE. Журнал был прохладным и увесистым, как небольшой кирпич.

Шмяк!

Тележка задрожала, когда ELLE упал на дно. Один из парней повернул голову, скользнул взглядом по Марине, задержался на ее обширной груди, виднеющейся в воротах расстегнутой до половины дубленки и увеличившейся еще на размер с того момента, как она забеременела. Круглого животика он не заметил и довольно шмыгнул носом. Марине стало смешно.

– Деточка, не сверни шею, – сказала она.

Юноша обрадовался ее дружелюбному тону и засучил роликами, с трудом удерживая равновесие.

– Сеня, держи себя в руках, – писклявым голосом произнес его товарищ. – А то девушка подумает, что ты в первый раз видишь сиськи и в первый раз надел ролики.

Сеня окончательно смутился, замахал руками, пытаясь удержаться, и вцепился в тележку, которая тут же поехала вперед.

– Ахтунг! – закричал товарищ Сени, бросил Playboy и схватил товарища за рукав.

Теперь они ехали все вместе – тележка и два парня, причем не жестикулировала и не ругалась только тележка.

– Берегись! – крикнул Сеня старушке в платочке с булкой хлеба в руке.

Каким-то чудом изменив направление, колесная группа промчалась мимо старушки и принялась сблизжаться с двумя девушками на высоких каблуках. Девушки шли, постукивая сапожками и постреливая по сторонам глазами с сильно накрашенными ресницами. Парни уже не кричали, они приближались к девушкам со стороны их спин. Тишину нарушало лишь негромкое поскрипывание подшипников.

– Девушка, будьте моим якорем, – сказал Сеня и вцепился в одну из девушек обеими руками.

– Ах, – выдохнула девушка, когда Сеня ласково, но крепко обхватил ее сзади за талию.

– Пусти меня, идиот! – выкрикнула вторая девушка, оттолкнув товарища Сени.

С ужасающим грохотом тело на роликах рухнуло на пол, опрокинув на себя тележку.

– Сеня, – сказал его товарищ из-под тележки, – ты знаешь, я за тебя рад.

Таня с мрачным видом перебирала блузки. Артем сидел на своем привычном месте и разгадывал кроссворд, выпятив челюсть вперед.

– Вот такая мне сейчас как раз подойдет, – сказала Таня, держа в руках красную рубашку с вышитым черным черепом на спине. Рубашка была стретчевой и хорошо облегла фигуру.

– Офигительно! – произнесла Лариса. – К твоему пирсингу и черным-черным волосам самое то. Тебе такая больше пойдет, чем белая.

– Не могу купить, – сказала Таня. – Не за что.

Под глазами у обеих девушек были темные круги.

– Я не выпалась, – пожаловалась Таня, – всю ночь посуду мыла и стирала. Все думала, что он вернется.

– Вернется, куда денется, – сказала Лариса.

Таня вытерла одинокую слезу, стоя в красной рубашке перед зеркалом.

– Ты тоже выглядишь неважно, – произнесла она.

– Я-то? – спросила Лариса. – Да уж. Вчера нашла у своего молодого человека чек на пополнение чужого счета. Позвонила. Ответил женский голос.

– Ты спросила его, что все это значит?

– Нет. Хочу сначала понять, люблю ли я его. И почему мне все время кажется, что он мне не верен. Не хочу спрашивать, хочу понять. Почему у меня нет спокойствия? Все время ожидаю... что-то.

– Ты боишься, что плюшевый мишка оживет и плюнет в тебя ядом, что шкаф за твоей спиной превратится в терминатора с большой пушкой, что в море тебя под воду утянет рыба, что наушники ударят тебя током в оба уха, что жир, который ты смываешь со сковороды, станет клеем и навеки склеит тебе пальцы. А еще ты боишься, что твой парень тебе не верен. В твоих круглых глазах полно страха, такой вот вечный страх.

– Я понимаю, Таня, чужую беду руками разведу, в чужом глазу и песчинку видать. Но у тебя проблема не лучше. Ты не боишься, сидишь себе читаешь книгу, а потом оказывается, что все пошло прахом, потому что страх хотя бы заставляет действовать, собраться, предпринять какие-то меры...

Дверь магазина открылась, и вошла Марина.

– Я хотела бы вот так, как Марина Владимировна, – сказала Лариса. – Не бояться каждого шороха и каждой СМС, но и тарелки вовремя мыть.

Марина кивнула девушкам, Артему и Айгуль, дремавшей на кассе, и углубилась в коридор, ведущий на склад и во внутренние помещения. Тем не менее Таня и Лариса обратили внимание, что хозяйка магазина обошла дверь в туалет по большой дуге.

– Инна Сергеевна, я хочу поговорить о недостатках, – сказала Марина своей директрисе.

– Думаете, девочки имеют к этому отношение? – спросила Инна Сергеевна.

– У нас работают восемь человек, – произнесла Марина, – консультанты Лариса и Таня, охранник Артем, грузчик Михаил, кассирша Айгуль, уборщица Люся, товаровед Полина Ульяновна и вы. Девятая – бухгалтер Вероника Петровна, но она числится в фирме моего мужа и здесь появлялась от силы с десятков раз. То есть ее мы в расчет не берем. Остается восемь.

Инна Сергеевна кивнула.

– Я понимаю, что при недостатках сразу подозревают персонал, – сказала она, – но персонал имеет отношение к хищениям всего в тридцати-сорока процентах случаев.

– Да у нас покупателей меньше зашло за все время существования магазина, чем комплектов белья пропало, – проговорила Марина. – Это кто-то из наших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.